

ДАРЬЯ ВАРДЕНБУРГ

ПРАВИЛО

ДЛЯ

ТОЛСТОМ

САДКИ

Встречное движение

Дарья Варденбург

Правило 69 для толстой чайки

«Самокат»

2017

Варденбург Д.

Правило 69 для толстой чайки / Д. Варденбург — «Самокат»,
2017 — (Встречное движение)

ISBN 978-5-91759-545-0

Одиночная кругосветка – давняя мечта Якоба Беккера. Ну и что, что ему тринадцать! Смогла же Лаура Деккер в свои шестнадцать. И он сможет, надо только научиться ходить под парусом. Записаться в секцию легко. А вот заниматься... Оказывается яхтсмены не сразу выходят в открытое море, сначала надо запомнить кучу правил. Да ещё постоянно меняются тренеры, попробуй тут научись. А если у тебя к тому же проблемы с общением, или проблемы с устной речью, или то и другое вместе – дело еще усложняется...

ISBN 978-5-91759-545-0

© Варденбург Д., 2017
© Самокат, 2017

Содержание

13 дней до чемпионата	6
Я твой доктор, и я говорю тебе открыть рот	6
Раз тренер, два тренер	8
Яблочный табак и чтение мыслей	9
Одинокий воин и его боевой слон	11
Человек за бортом	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Дарья Варденбург

Правило 69 для толстой чайки

Для среднего и старшего школьного возраста

Любое использование текста и иллюстраций разрешено только с согласия издательства.

© Варденбург Д., текст, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом «Самокат», 2017

* * *

С благодарностью моей дочери Саше.

Д. В.

Действующие лица этой истории вымышлены, все совпадения с реально существующими людьми случайны.

13 дней до чемпионата

Я твой доктор, и я говорю тебе открыть рот

– Свадьба, – четко, будто сплюнула, сказала Тоха. И ни с того ни с сего свистнула так, что у меня правый глаз зажмурился.

Мы стояли на дальнем конце пирса – там, где бетонные плиты крошатся и сползают в воду, где растут между серых осколков одуванчики и где чайки гадят особенно охотно – тут повсюду их белые метки, словно они сметаной с неба кидаются. Нам хорошо было видно, как по берегу катилась, спотыкаясь и хохоча, пестрая гурьба. В центре жених в отливающем синевой костюме и невеста в белой пене платья, вокруг мужчины с торчащими из пиджаков животами и женщины с голыми плечами, а по краям фотографии – как надоедливые мухи, в черных футболках и черных джинсах. Жужжат аппаратурой. Ясно, свадьба приехала к Шевцову. По выходным в яхт-клуб являются все свадьбы города, они катаются на «Нике», пьют на веранде, орут, визжат и лезут купаться с пирса, хотя в яхт-клубе купаться нельзя – Шевцов повесил плакат.

На свист Тохи кто-то из мужчин приветственно заорал. Жених остановился, чуть присел, подхватил невесту на руки и понес. Фотографы защелкали затворами. Я перевел взгляд на пришвартованную «Нику» – единственную чистую яхту в ряду столетиями не мытых посудин. Шевцов, как будто не замечая приближения свадьбы, стоял в кокпите спиной к берегу и спокойно сматывал конец в бухту, хотя у него и так концы всегда аккуратно убраны.

– Кораблики... восторг! – донеслось из гущи свадебных гостей.

Шевцов сложил конец в рундук, закрыл крышку, проверил, плотно ли она закрылась, и только тогда повернулся. Ровно в тот момент, когда свадьба добралась до «Ники» и краснолицый жених остановился у трапа, чтобы поставить невесту на землю. Шевцов всегда все делает вовремя. Невеста принялась поправлять свое вспененное платье и выворачивать шею, проверяя, все ли в порядке с платьем с тыла. Шевцов подал даме руку и помог ступить на борт.

Он тем любезней, чем сильнее
От пассажиров устает.
И, улыбаясь терпеливо,
Хмельным он руку подает
И молча слушает тот вздор,
Что люди без конца лопочут.
И дамы пьяной томный взор,
И то, что ее муж рокошет
О своих мыслях и делах, –
Весь этот «ох» и этот «ах»
Шевцов выносит час за часом
И никогда не позволяет
Себе высокомерный тон
Или презрения гримасу.

– Отвлекаешься, – толкнула меня локтем Тоха.

Я кивнул, но не двинулся с места. На «Нике» уже собралось человек десять, считая фотографов. Те, кому места не хватило, остались на пирсе ждать своей очереди – большие свадьбы Шевцов катает в несколько приемов. Паруса во время таких катаний он не поднимает – если

только грот, да и то чтобы фотографы могли снять жениха и невесту на фоне паруса, а не ради того, чтобы ветер ловить. «Ника» бороздит водохранилище под двигателем, испуская нескончаемое «др-др-др» и зарабатывая деньги.

– Пора, – Тоха трянула меня за плечо.

Шевцов завел двигатель, отдал швартовы и стал отходить. Я видел «Нику» идущей под парусами только дважды: один раз, когда Шевцов участвовал в майской регате наших дряхлых посудин, и другой – когда он катал какую-то женщину.

– Начинаем! – гаркнула мне в лицо Тоха. – Я твой доктор, и я говорю тебе открыть ро-от!

Раз тренер, два тренер

Меня зовут Якоб, с буквой «б» на конце, но в наших краях привыкли к Яковам с «в», поэтому меня почти всюду записывают Яковом – у зубного, логопеда, психолога, диетолога, в полиции, ну и так далее. Якобом мне удалось остаться в двух местах – в школе, потому что туда меня записывала мама, а она умеет говорить четко, так что люди различают «б» и «в», и в секции яхт-клуба, потому что я прислал Шевцову свою заявку по электронной почте, а не пытался общаться с ним устно. Шевцов – заведующий хозяйственной частью яхт-клуба и заодно спортивной и воспитательной работой, но тренирует нас не он. Сперва с нами занимался злющий Антон, пока не уехал работать в Москву. Затем с нами полдня возилась железная старуха, какая-то давняя знакомая Шевцова, – мы отжимались, приседали и бегали вокруг водохранилища, пока старуху не скрутил приступ радикулита и она не сказала Шевцову, чтобы поискал кого-нибудь другого. Тогда Шевцов нашел Марусю из педагогического колледжа, но в тот день на тренировке я чуть не утопил Митрофана, и потом на берегу Маруся плакала, а Шевцов заставил меня до девяти вечера драить туалеты в яхт-клубе, а туалеты тут такие, что их вонь стояла у меня в носоглотке еще неделю. И вот теперь у нас совсем нет тренера, и Шевцов, говорят, ищет по всей области и даже по соседним. И сегодня мы заняты не поворотами, стартами и огибаниями знаков гоночной дистанции (обычно их изображают болтающиеся на воде пустые канистры), а гуляем кто где. Митрофан поехал с отцом в спортивный гипермаркет, Тимур валяется на пляже, а мы с Тохой на разбомбленном чайками пирсе осуществляем мое лечение по плану Тохи.

Яблочный табак и чтение мыслей

Первый, то есть первая, кого я увидел, когда пришел на первое занятие в яхт-клуб, была Тоха. Слишком коротко стриженная, в широких джинсах и растянутой майке – она выглядела как парень, но я сразу понял, что это не парень, когда увидел ее глаза, с каким выражением она на меня смотрела – с любопытством, открыто, без всякого стеснения. Парни так не умеют смотреть на других парней – если мы сталкиваемся друг с другом впервые, то ждем подвоха или боимся, что нас как-то не так поймут. Она сидела на траве, ее кеды валялись рядом, в руке у нее была трубка, и эту трубку она курила. Я невольно посмотрел по сторонам, ожидая, что сейчас появится кто-нибудь взрослый и скажет: «А ну брось эту гадость», но вокруг никого не было. Я пришел слишком рано.

Справа стояли запертые эллинги, слева плескалась синяя вода водохранилища, и поросший зеленой растительностью слип уходил в эту воду и растворялся в ее глубине. Я тогда еще не знал, что это слип, и что это эллинги, и вообще как что называется в этом парусном спорте. Но я читал книги про одиночек, которые ходили через океаны, как я за хлебом, – старые книги, их еще мой дед покупал. «За бортом по своей воле» Алена Бомбара, «Немыслимое путешествие» Чэя Блайта, «В дрейфе: семьдесят шесть дней в плену у моря» Стивена Каллахэна. Я смотрел в интернете видео про Майка Перхэма, который в одиночку обошел вокруг света, когда ему было 17 с половиной лет, и про Джессику Уотсон, которая закончила свою кругосветку за три дня до своего 17-летия, и про Лауру Деккер, которая обогнула Землю в 16 с половиной. Лаура собиралась отправиться в кругосветку еще в 14 лет, но голландский суд не разрешил, приговорив ее к занятиям в школе; яхту у нее отобрали, и тогда она сбежала на остров Сен-Мартен, чтобы купить там другую яхту. 14 лет! А мне сейчас 13, я всего на год младше. Я читал, смотрел, снова читал и до того переполнился всем этим, что, когда первого мая увидел объявление у центрального универмага «Открывается секция парусного спорта, звоните и пишите», не подумал как следует и записал у себя на руке e-mail. Не подумал, что мне придется знакомиться с новыми людьми, а я это ненавижу и не умею. И, главное, не подумал, что между кругосветными одиночными плаваниями и тренировками в парусной секции есть некоторая разница.

Так вот, я стоял в тот первый день и смотрел на Тоху, а она пускала дым. Я хотел спросить, что она курит – неужели настоящий табак, а не какие-нибудь там сушеные листья малины. Но не стал открывать рот.

– Это яблочный табак, – сказала Тоха, и мне показалось, что она читает мысли. – Хочешь?

Я помотал головой. Тоха помолчала, разглядывая меня, и я вспотел под ее взглядом и пожалел, что не бегал каждый день последние полгода, как советовал диетолог.

– Ты в секцию? – спросила Тоха.

Я кивнул. Она вынула трубку изо рта.

– Раньше когда-нибудь пробовал?

Я не был уверен, спрашивает она про табак или про парусный спорт, но опять помотал головой. Тоха встала, шагнула ко мне и протянула руку.

– Тоха, – представилась она.

Я пожал ее руку своей потной лапой, глубоко вдохнул, как советовал логопед, и раскрыл рот:

– Й-й-йа...

Я заикаюсь всю свою жизнь.

– Й-й...

Тоха смотрела на меня очень серьезно и продолжала держать мою ладонь в своей. Я, как мог вежливо, вытянул свою ладонь наружу, нашел в кармане штанов останки блокнота и

огрызок карандаша – я ношу их с собой по совету психолога – и нацарапал: «Яша». Протянул блокнот Тохе. Она прочла, взглянула на меня, и я дернул блокнот к себе и нацарапал рядом с «Яшей» свое полное имя и снова протянул Тохе.

– Якоб Беккер, – прочла она вслух. – Беккер-стрит, – добавила она и усмехнулась. – Ты что, англичанин?

Вообще-то, Бейкер-стрит, но указывать ей на ошибку я не стал. Я помотал головой и накарябал: «Дед немец».

– А, – кивнула Тоха. – У нас соседи были немцы. Видмайер фамилия. Уехали в Германию. Давно, я еще в первом классе была.

Она подождала, испытующе глядя на меня, но я ничего не написал в ответ.

– Так ты чего, заикаешься, Якоб Беккер? – деловито спросила Тоха.

Я кивнул.

– Лечиться пробовал?

Я кивнул.

– И как?

Тут я уже немного разозлился – сколько можно приставать с вопросами. И написал в блокноте поверх «Яши» и «Якоба Беккера» большими буквами, сильно нажимая на карандаш: «НИКАК».

Тоха замолчала, внимательно разглядывая мои каракули, словно в них заключался код к сейфу с золотыми слитками, а потом подняла голову, посмотрела мне в глаза и сказала:

– Я что-нибудь придумаю.

Одинокий воин и его боевой слон

Она придумала, что я должен орать и кричать во всю глотку, как сошедший с ума волчище, – сперва «а», «о», «у» и прочие гласные, а потом слоги, какие захочется. Но до слогов я пока не дошел – мне хватает мороки с гласными. Тоха уговорила меня начать сразу после первой тренировки.

В тот день мы два часа мыли свои четыре «оптимиста» – это такие маленькие яхты, похожие на ванночки с мачтами. «Оптимисты» пролежали в эллингах лет десять, пока яхт-клуб пребывал в полумертвом состоянии. Лодки были серые, грязные, опутанные паутиной и облепленные давно опустевшими домиками личинок, а паруса все в черно-зеленых пятнышках плесени. Мы драили эти корыта и присматривались исподтишка друг к другу – точнее, трое из нас присматривались, а Тоха спокойно работала и думала о чем-то своем. Митрофан мне не понравился своим тонким голосом и постоянными смс, которые он отправлял со своего айфона. Тимур мне не понравился своей самодовольной улыбкой и противными рожами, которые он корчил всякий раз, когда ловил мой взгляд, и многозначительно скашивал глаза в сторону Тохи. И я им обоим – Митрофану и Тимур – тоже, по-моему, не понравился. Через два часа, когда тренировка уже должна была заканчиваться, наш тренер Антон, успевший два раза попить чаю, второпях показал нам, как настраивать парус, и велел спускать лодки на воду по слипу. Тимур пошел первый и поскользнулся на зеленых водорослях, над чем я злорадно поухмылялся. Правда, мы с Митрофаном поскользнулись в свой черед точно так же. Что было с Тохой, я не знаю, потому что как-то упустил из вида ее спуск, – я в тот момент лежал верхней половиной туловища в своем «оптимисте», нижней половиной свисал в воду и пытался каким-то образом оказаться в лодке целиком. Но как только мне это удалось, меня стало уносить прочь от берега. Я забыл все, что нам говорил Антон о парусе и управлении, яхта меня не слушалась, а бежала вперед и вперед, словно издеваясь надо мной. С берега мне кричал всякие страшные слова Антон – я тогда понял, что наш тренер мне тоже не очень нравится. Да и парусный спорт. А этот чертов «оптимист» я просто ненавижу. И вот когда я уже распрощался с надеждой вернуться назад и думал о том, что за час-другой пересеку водохранилище и наконец-то побываю на его противоположном берегу, где, как говорят рыбаки, в камышах водятся метровые шуки и кто-то жутко воеет июльскими ночами, – вот когда я обо всем этом думал, с берега за моей спиной донеслось рычание. Сперва далекое, оно стало приближаться, и я рискнул обернуться. Ко мне, вспенивая воду резиновым круглым носом, направлялся риб. Я тогда не знал, что это называется риб. Резиновая надувная лодка с подвесным мотором. И в риб сидел не взбесившийся Антон, а Сергей Шевцов, спокойный, как глыба льда на Северном полюсе. Он подошел к моему «оптимисту», переключил мотор на нейтральную скорость, подтянул меня к рибу, привязал к моей мачте конец и негромко сказал:

– Грот выбери.

Я ничего не понял. Он понял, что я ничего не понял, и сам выбрал гика-шкот, поставив парус по центру, чтобы он не болтался туда-сюда.

– Поехали, – сказал Шевцов и неожиданно улыбнулся. На полсекунды, не больше, а потом снова – глыба.

Мы поехали, он тащил моего «оптимиста» за собой на буксире. Антон уже успел выгнать остальных на берег, и вся эта компания стояла на берегу и смотрела, как меня ведут назад как бычка на веревке.

– Помогите Яше, – сказал Шевцов, когда мы приблизились к слипу.

Глазевшие на нас Митрофан и Тимур очнулись и поковыляли к воде. Тоха обогнала их, уцепилась рукой за буксировочный конец и подтянула меня поближе к берегу. Пока мы все четверо неуклюже вытаскивали «оптимиста» из воды, Шевцов негромко что-то говорил Антону,

и тот слушал с мрачной и виноватой физиономией. Закончив разговор, Шевцов подошел ко мне, пожал мне руку и сказал, что следующая тренировка в пятницу. А потом пожал руки всем остальным по очереди.

– Спасибо за хороший день, – и он пошел к белому корпусу, где на первом этаже было кафе с верандой и его офис, а на втором хранились старые паруса, веревки, всякие мелочи и дюжина сломанных подвесных моторов.

Никто из нас не понял, была благодарность Шевцова искренней или он так иронизировал, – он умеет быть абсолютно непроницаемым. Но в тот момент, когда я смотрел ему вслед, я решил все-таки остаться в секции и дать «оптимисту» шанс.

После тренировки Тоха повела меня на самый дальний конец пирса и стала излагать свой план лечения меня от заикания.

– Давай кричи! – сказала она.

– Э-э-э, – протянул я.

Она фыркнула, велела мне попробовать в десять раз громче – так громко, как только могу, «как будто тебе руку оторвали!» – и, когда я попробовал и закашлялся, встала передо мной, как воин перед боевым слоном, и сказала:

– Не годится. Я буду кричать вместе с тобой. Раз. Два. Три!

– ААААА!

Наш вопль прокатился над водохранилищем и достиг, наверное, ушей того, кто воет июльскими ночами на противоположном берегу.

Дверь офиса на первом этаже белого корпуса распахнулась, и на пороге появился Шевцов.

– Теперь «о», – пихнула меня Тоха. – Раз. Два. Три!

– ООООО!

Шевцов прислонился к косяку, сунул руки в карманы и стоял так, глядя в нашу сторону. Я не мог на таком расстоянии разглядеть выражение его лица.

– Теперь «и», – охрипшим голосом скомандовала Тоха.

Как можно кричать во всю глотку «и», хотел я спросить, но выговорить такой вопрос я бы все равно не смог.

– ИИИИИ!

Это звучало поистине безумно. Истошный вопль двух объевшихся забродившими кактусами койотов.

Человек за бортом

– Хорош на них пялиться, – Тоха развернула меня к себе.

«Ника» медленно, с достоинством выходила из гавани яхт-клуба, сообщая что-то своим размеренным «др-др-др» воде и чайкам. Жених и невеста обнимались возле мачты, позируя фотографам.

– Приступаем как обычно. Раз, – начала Тоха отсчет.

Невеста изогнулась в руках жениха буквой «с», откидываясь назад все дальше и дальше.

– Два.

«Ника» поравнялась с самым дальним концом пирса, где мы стояли, и Шевцов, здороваясь с нами, поднял руку.

– Три!

– ААААА!

Ах, ох, бултых, караул! Я не поверил своим глазам. Жених с невестой покачнулись – неужели испугались нашего вопля? – потеряли равновесие, он разжал объятия, она замахала руками – и полетела в воду с протяжным «а-а-а», который продолжил наше с Тохой «ААААА». Жених тут же рыбкой нырнул за невестой. Чего делать точно не следовало. Каждому должно быть известно, что ни в коем случае нельзя прыгать за упавшим в воду человеком, иначе придется спасать двоих, а не одного. Человеку, оказавшемуся за бортом, надо кинуть спасательный круг. Шевцов кинул в жениха и невесту спасательным кругом, но в ту же секунду с «Ники» сиганули еще двое гостей – они тоже не знали правил поведения на воде и решили принять участие в спасении. Теперь Шевцову надо было вытаскивать из воды четверых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.